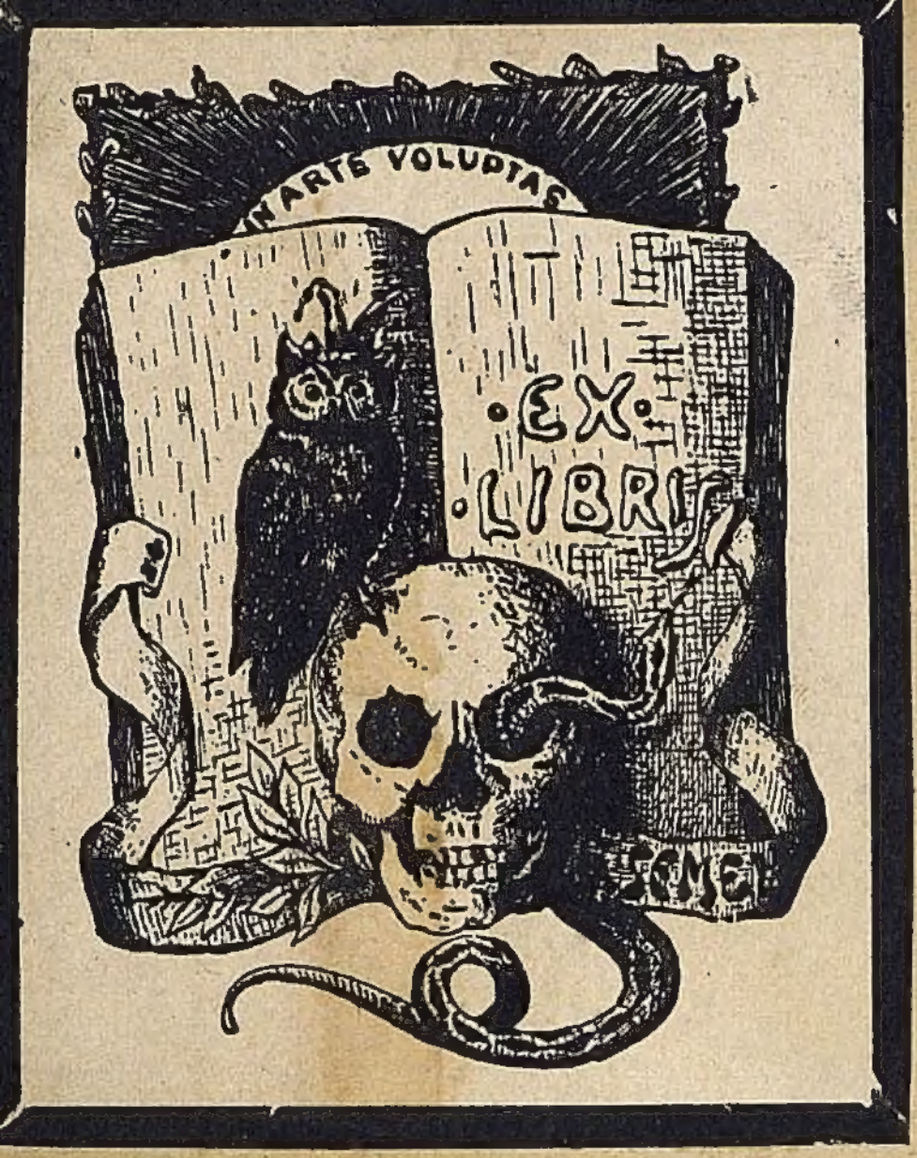
947.08
K614

947.08
K614


ARTE VOLUPTAS
·EX·
·LIBRIS·

5072

T. Jenne 19 20/IV 08

Matériaux inédits pour la biographie. Tome XII.

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ.

ТОМЪ XII.

АЛЕКСАНДРЪ III,

его личность, интимная жизнь и правленіе.

Сочиненіе А. КОЛОСОВА.

ЛОНДОНЪ.
1902.

№ 5072
Г. И. ЗЕМЕЛЬ.
84 г.
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ Моск. Обл. Библиотеки
947.08 К614
СОЮЗ ДМИТРОВСКИХ КООПЕРАТИВОВ
920 К61
БИБЛИОТЕКА В СЕРГИЕВОМ ПОСАДЕ
РУССКАЯ СПРАВОЧНАЯ КОНТОРА
RUSSE
J. KLEINMANN

Когда Александръ III. умеръ, одинъ не безъизвѣстный поэтъ написалъ стихотвореніе подъ заглавіемъ „Слезы царя“. Еврейское происхожденіе этого поэта и его принадлежность къ числу русскихъ интеллигентныхъ либераловъ должны были бы внушить ему настолько тактичности, что муза его не должна была бы откликаться на смерть того, кто угнеталъ и давилъ какъ всю интеллигентную Россію, такъ и особенно безпощадно преслѣдовалъ и травилъ еврейскую часть населенія ея. Но тѣмъ не менѣе стихотвореніе было оригинально по замыслу. Поэтъ разсказывалъ о молодомъ царѣ, подавленномъ горемъ по только что скончавшемся, горячо любимомъ отцѣ. Но онъ теперь царь и не долженъ плакать и горевать. Онъ долженъ явиться къ народу со взоромъ, не отуманеннымъ слезою и горемъ. Мы не знаемъ, плакалъ ли и горевалъ нынѣшній русскій царь, когда умеръ послѣ довольно долгой болѣзни Александръ III., но исторически доказано, что самъ Александръ III., когда такъ внезапно и неожиданно умеръ его отецъ, павшій жертвою бом-

бы, не проронилъ ни единой слезы, не испустилъ ни единаго вздоха. Съ одной стороны, горе его по покойномъ отцѣ было не очень велико, такъ какъ его деспотическая натура жаждала власти и всего, что связано съ нею. Съ другой стороны, Александръ II. палъ отъ руки убійцъ-заговорщиковъ, явившихся исполнителями воли интеллигентной и политически развитой части русскаго народа. Всякое же проявленіе народной воли шло кореннымъ образомъ въ разрѣзъ съ деспотическими замашками и тиранническими замыслами Александра III., и онъ поклялся не только жестоко отомстить убійцамъ своего отца, но и кровью и желѣзомъ искоренить все, что было въ Россіи свободнаго, смѣлаго, самостоятельнаго и мыслящаго. Онъ хотѣлъ властвовать неограниченно, подобно древне-азіатскимъ деспотамъ, надъ тѣлами и душами своего стомилліоннаго народа, и для этого ему было необходимо раньше всего искоренить крамолу, вырвавъ жестокою рукою изъ среды русскаго народа всю лучшую, интеллигентную и мыслящую часть его. Въ этомъ смыслѣ и отданы были имъ его первыя приказанія, когда Александръ II., привезенный во дворецъ съ раздробленными ногами и разорванной брюшной полостью, закрылъ на вѣки свои глаза. Александръ III., получивъ наконецъ право приказывать и повелѣвать и опьяненный этимъ правомъ, распорядился, чтобы весь Петербургъ былъ досконально обысканъ и обшаренъ и чтобы брошены были въ тюрьмы всѣ тѣ, кто въ какой бы то ни было степени кажется по-

дозрительнымъ и проявилъ въ той или иной формѣ свой либеральный образъ мыслей. Такимъ образомъ, послѣ краснаго террора въ Петербургѣ наступилъ бѣлый терроръ или, что еще вѣрнѣе, синій терроръ, такъ какъ весь Петербургъ отданъ былъ отнынѣ во власть жандармамъ. Сатрапы новаго царя, чутьемъ догадавшіеся, что наступаетъ время ихъ власти и произвола, ихъ обогащеній и отличій похозяйничали во славу своего царя-батюшки. Петербургъ походилъ на лагерь, внезапно захваченный дикими ордами жестокаго непріятеля. Никто, рѣшительно никто, даже какъ бы высоко ни было его общественное положеніе и какъ бы ни былъ благонамѣренъ образъ его мыслей, не могъ быть гарантированъ отъ того, что жандармы не ворвутся къ нему среди бѣла дня или среди ночи, не схватятъ его, обшаривъ предварительно все вверхъ дномъ въ его квартирѣ, и не бросятъ его въ тюрьму или крѣпость, гдѣ долгими мѣсяцами, а то и годами ему придется ожидать своей участи. [Раньше всего жестокая расправа была произведена надъ цареубійцами. Оба динамитныхъ взрыва, поведшіе къ смерти Александра II. и цѣлаго ряда сопровождавшихъ его лицъ, произведены были открыто на многолюдной Михайловской площади, и заговорщики знали, что въ случаѣ удачи или неудачи затѣяннаго ими имъ не избѣжать немедленнаго захвата руками полиціи или даже публики. Дѣйствительно, Рысаковъ, бросившій первую бомбу, послѣ взрыва которой Александръ II. остался живъ и невредимъ, былъ

немедленно схваченъ на мѣстѣ. Двое заговорщиковъ пали сами жертвами динамитныхъ взрывовъ. Кромѣ Рысакова, нѣсколько позже было найдено и схвачено еще пять человѣкъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ и выполненіи его. При Александрѣ II. подобныя преступленія, какъ покушенія на его жизнь или убійства высшихъ представителей административной власти, обыкновенно, передавались на разсмотрѣніе высшихъ административныхъ судилищъ или спеціально назначенныхъ коммиссій, и тѣ и другія были, конечно, покорнѣйшими слугами въ рукахъ того, кто велъ эти процессы, назначалъ судей и членовъ коммиссій и диктовалъ имъ заранѣе приготовленный приговоръ. Александръ III. отступилъ отъ этой, такъ сказать, сложившейся традиціи, приказавъ, чтобы заговорщики, убившіе его отца, преданы были обыкновенному суду. Съ одной стороны этимъ показано было Западной Европѣ, что даже къ цареубійцамъ относятся въ Россіи съ точки зрѣнія высшей справедливости, но съ другой стороны Александръ былъ, конечно, болѣе чѣмъ увѣренъ, что судьи по приказу свыше вынесутъ всѣмъ обвиняемымъ смертный приговоръ. Оффиціальная Россія чрезвычайно любитъ хвастаться передъ Западной Европой тѣмъ, что въ Россіи даже за убійство не наказываютъ убійцу смертью и что уже со временъ Екатерины II. гражданско-уголовные суды въ Россіи не имѣютъ права постановлять смертные приговоры. По существу все это ложь и фальшь. Дѣйствительно наши уголовные

суды не знаютъ смертныхъ приговоровъ и даже за многократное убійство они присуждаютъ высшей мѣрой наказанія пожизненныя каторжныя работы. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правительство или высшая администрація желаетъ добиться смертнаго приговора, совершается одно и тоже обычное беззаконіе: процессъ передается въ военный судъ, имѣющій право постановлять смертные приговоры, и военные судьи покорно выполняютъ то, что имъ приказано свыше. Часто бываетъ и такъ, что въ указѣ, передающемъ тотъ или иной процессъ военному суду, послѣднему приказывается судить по законамъ военнаго времени. А такъ какъ всѣ подобные процессы ведутся, конечно, на вполнѣ беззаконномъ основаніи при закрытыхъ дверяхъ, то общественное мнѣніе не имѣетъ абсолютно никакой возможности контроля, насколько справедливы и обоснованы тѣ или другіе вынесенные приговоры. Публикѣ сообщается только самый краткій текстъ приговора, какъ и нѣсколько спустя она узнаетъ, обыкновенно, о царской милости, замѣнившей смертную казнь пожизненными каторжными работами. Само собою разумѣется, заговорщики, убившіе Александра II., не могли ни въ коемъ случаѣ ожидать къ себѣ подобной царской милости, да они сочли бы величайшимъ униженіемъ прибѣгать къ просьбѣ о таковой. Такимъ образомъ, все свершилось, какъ и можно было этого ожидать: судъ, судившій цареубійцъ, снабженъ былъ необходимыми полномочіями и заранѣе составленнымъ смертнымъ при-

говоромъ; всѣмъ цареубійцамъ выпесенъ былъ одинаково безжалостный смертный приговоръ; всѣ шестеро осужденныхъ были вскорѣ же и повѣшены, причемъ казнь Перовской была отложена, такъ какъ она оказалась беременной.

Но мы нѣсколько забѣжали впередъ. Если Александръ III. преисполненъ былъ въ первые часы и дни по вступленіи своемъ на престолъ не горемъ и тоскою по покойномъ отцѣ, но только лишь жаждою мести и крови, то паника во дворцѣ была невообразимая. Все и вся потеряло голову. Самъ Александръ III. не зналъ, за что взяться раньше, что начать и что предпринять. Онъ долженъ былъ одновременно и воздавать почести праху своего отца и распоряжаться приготовленіями къ пышному погребенію его и принимать отъ двора, высшихъ властей, министровъ и пословъ поздравленія со вступленіемъ на престолъ, и принимать всевозможные рапорты, и давать указанія, какъ отнынѣ должна сложиться его семейная, вся придворная и вся оффиціальная жизнь и наконецъ отдавать приказанія о преслѣдованіи цареубійцъ, заговорщиковъ и вообще либераловъ всяческаго званія и толка. Александръ II., какъ и вообще всѣ русскіе самодержавцы держалъ своего старшаго сына и наслѣдника вдали отъ правленія и государственныхъ дѣлъ, и неопытный во всемъ этомъ Александръ III., какъ ни былъ въ сущности твердъ и закаленъ его характеръ, рѣшительно не зналъ первое время, какъ справиться съ нахлынувшими внезапно

чувствами, съ своими новыми обязаностями и съ обиліемъ выпавшей на его долю работы. Что же касается его приближенныхъ и министровъ, то они еще въ значительно большей степени растерялись. И въ самомъ дѣлѣ, трагическая смерть Александра II. интересовала ихъ въ значительно меньшей степени, чѣмъ существенный вопросъ о томъ, кто изъ нихъ удержится на высотѣ, кто будетъ призванъ къ дальнѣйшей власти и силѣ, кто слетитъ съ своего насиженнаго и тепленькаго мѣстечка и кто наконецъ станетъ первымъ любимцемъ новаго царя, а потому и наивліятельнѣйшимъ лицомъ. Одни изъ нихъ, привыкшіе властвовать и пользоваться неограниченнымъ вліяніемъ на Александра II., критиковали каждый самостоятельный поступокъ, каждое самостоятельное распоряженіе, сдѣланное Александромъ безъ ихъ согласія и вѣдома. Другіе горько сожалѣли, что изъ желанія подладиться подъ вкусъ и нравы покойнаго царя они не всегда ладили съ его наслѣдникомъ и подчасъ даже шли въ разрѣзъ съ его мнѣніями и желаніями: теперь для этихъ лицъ являлось первѣйшей необходимостью загладить возможно скорѣе ошибки прошлаго и втереться въ милость новаго царя и властелина. Третьи, наконецъ, пользовавшіеся вниманіемъ и любовью Александра III. въ бытность его наслѣдникомъ, спѣшили теперь напомнить ему о себѣ и, какъ собаки заглядываютъ въ глаза своему хозяину, такъ и они ожидали себѣ теперь всяческихъ благополучій и благъ: назначеній, отличій, орденовъ, а главное те-

пленькихъ мѣстечекъ съ высокими окладами. Чтобы достигнуть всего этого, надо было, конечно, возможно больше заискивать у новаго царя, прославляя его мудрость и одобряя самыми воодушевленными восхваленіями каждое его слово, каждый его шагъ. Если при каждомъ дворѣ ведутся интриги, идетъ жесточайшая борьба между приближенными и совѣтниками изъ-за власти, отличій и денегъ, если при перемѣнахъ на тронѣ эта борьба достигаетъ своего апогея и ведется съ безпощадной, да даже звѣрской жестокостью, то все это было во много, много разъ обострено тѣмъ, что перемѣна на русскомъ тронѣ въ день 1 марта 1881 г. послѣдовала столь неожиданно и быстро. Для придворныхъ интригановъ, для всѣхъ боровшихся въ тѣ дни и часы за власть, отличія и почести была дорога каждая минута. Отъ одной минуты, отъ одного часа могло зависѣтъ все будущее, вся карьера: стоитъ одному запоздать на часъ, и другой уже, можетъ быть, получилъ желанное отличіе и назначеніе; стоитъ одному запоздать съ изъявленіемъ раболѣпства и восхваленіемъ мудрости новаго царя, анъ смотришь уже другой успѣлъ втереться въ его милость, пріобрѣсти могущество, вліяніе и власть. Весь этотъ хаосъ интригъ, борьбы, клеветъ, раболѣпства, византизма и всякихъ гнусностей значительно усугублялся тѣми условіями, при которыхъ случилось Александру III. вступить на родительскій и прародительскій престолъ. Раньше всего, какъ мы уже указали, здѣсь играла роль внезапность кончины Алек-

сандра II. Затѣмъ, играла опять таки весьма крупную роль неопредѣленность характера Александра III. Его отецъ считалъ его не только либераломъ, но даже демократомъ, ибо Александръ III. въ бытность наслѣдникомъ любилъ фрондировать и идти вполнѣ въ разрѣзъ съ мнѣніями и тенденціями отца. Умные министры и видавшіе всякіе виды придворные думали про себя и шептали другъ другу на ушко, что фронда противъ отца есть въ сущности удѣлъ и забава всѣхъ наслѣдниковъ престола. Кое кто другой, однако, покачивалъ головой и предупреждалъ, что либерализмъ наслѣдника можетъ быть и настоящій, и искренній. И этотъ вопросъ о міросозерцаніи и тенденціяхъ Александра III. возникъ во всей своей колоссальной величинѣ въ дни его вступленія на престолъ. Каждый изъ министровъ, придворныхъ, совѣтниковъ и секретарей стоялъ передъ роковымъ для себя вопросомъ: какъ бы мнѣ лучше поддѣлаться и удачнѣе подладиться? Прикинуться ли мнѣ крайнимъ реакціонеромъ или подпустить, что называется, либеральнаго духа? Или, можетъ быть, лучше всего будетъ держаться золотой середины? Каждый поступалъ по своему разумѣнію. Крайніе реакціонеры, ограниченные какъ всегда, не догадались, что наступило для нихъ золотое, счастливое времячко. Наивные смѣльчаки, пускавшіе дымку либерализма, вскорѣ увидали, что глубоко ошиблись и кто изъ нихъ не впалъ немедленно же въ немилость, поспѣшилъ стряхнуть съ себя малѣйшій намекъ на либерализмъ и

примкнуть къ крайнимъ реакціонерамъ, которые теперь дѣлали видъ, будто они сразу догадались, какого рода направленіе приметъ новый русскій царь. Наконецъ, осторожные держались золотой середины, балансировали влѣво и вправо, кокетничали съ либерализмомъ и заигрывали съ крайнимъ обскурантизмомъ, умѣли читать въ глазахъ новаго царя, ловко и незамѣтно мѣняли убѣжденія по каждому жесту или мановенію царя и думали про себя: когда ты выскажешься сколько нибудь опредѣленно, не замедлимъ высказаться въ томъ же самомъ направленіи и мы. Ясно и недвусмысленно было лишь одно: новый хозяинъ и властелинъ приказалъ разыскать всѣхъ заговорщиковъ и крамольниковъ, и всѣ тѣ, кто хотѣлъ выслужиться и надѣялся отличиться, съ звѣрскимъ остервенѣніемъ набросились на безвинный, многострадальный русскій народъ, словно опричники временъ Іоанна Грознаго. Россія между тѣмъ ждала и жаждала реформъ. Никакія легенды и небылицы, сочиняемыя оффиціальными органами, никакой запретъ всей русской печати касаться хотя бы намекомъ того, что произошло въ послѣдніе годы и закончилось катастрофой 1 марта, никакія баррикады, воздвигнутыя правительствомъ вдоль всей западной границы Россіи, чтобы не проникла изъ Европы къ русскому народу истинная правда о событіяхъ въ Россіи, — все это не могло воспрепятствовать тому, чтобы по крайней мѣрѣ вся русская интеллигенція знала правду о случившемся. Она ждала и надѣялась,

что катастрофа 1 марта не останется безъ сильнѣйшаго вліянія и давленія на тѣхъ, кто отнынѣ будетъ править Россіей. Она ждала и надѣялась, что теперь наконецъ русскому народу дана будетъ свобода, дано будетъ право мыслить, говорить вслухъ, дѣйствовать и рѣшать свои судьбы, что теперь, наконецъ, гарантированы будутъ конституціей свобода личности, свобода совѣсти, право собраній и ассоціацій. Въ средѣ, окружавшей Александра III., о настоящей конституціи не было и рѣчи. Тамъ интересовалъ всѣхъ вопросъ о томъ, что станется съ той жалкой пародіей на конституцію, которая была выработана диктаторомъ графомъ Лорисъ Меликовымъ и подписана Александромъ II. наканунѣ его смерти. Лорисъ-Меликовъ съумѣлъ убѣдить Александра II., чрезвычайно запуганнаго массой покушеній на его жизнь и убійствомъ длиннаго ряда высокопоставленныхъ лицъ, что для успокоенія умовъ желательно было бы созывать время отъ времени представителей земства въ Петербургъ, чтобы представлять на ихъ разсмотрѣніе правительственные законопроэкты по вопросамъ внутренней политики. Александръ II., всегда безвольный и всегда стоявшій подъ вліяніемъ своего ближайшаго совѣтника и перваго любимца, согласился на то, чтобы проэктъ конституціи графа Лориса-Меликова былъ представленъ въ совѣтъ министровъ. Это было чрезвычайно торжественное засѣданіе, на которомъ присутствовали и почти всѣ великіе князья. Законопроэктъ прошелъ, да это было и неуди-

вительно: одни изъ тогдашнихъ министровъ были креатурами графа Лорисъ-Меликова и слѣпыми исполнителями его воли; другіе видѣли и понимали, какъ всесиленъ и всевластенъ графъ Лорисъ Меликовъ, и опасались пойти въ разрѣзъ съ его мнѣніемъ и желаніемъ. Третьи, наконецъ, были запуганы тѣмъ, что конституціи требовало даже петербургское дворянство. Совѣтъ министровъ далъ свою санкцію законопроэкту, но теперь уже Александръ былъ охваченъ всяческими сомнѣніями. Графу Лорисъ Меликову пришлось снова употребить все свое вліяніе на безхарактернаго царя, пока тотъ въ концѣ февраля далъ свое окончательное согласіе, а утромъ 1 марта подписалъ конституцію и приказалъ опубликовать ее въ Правительственномъ вѣстникѣ. Въ это время ему доложили, что открытъ новый заговоръ, составленный противъ него. Обратившись къ своей морганатической женѣ княгинѣ Юрьевской, Александръ выразилъ надежду, что подписанная имъ только что конституція произведетъ хорошее впечатлѣніе на народъ. Онъ уѣхалъ вслѣдъ затѣмъ на обычный парадъ въ манежъ и вернулся во дворецъ уже умирающимъ. Первымъ слѣдствіемъ этого было то обстоятельство, что конституція на слѣдующій день, какъ это предполагалось, не была опубликована. Теперь она и не могла быть опубликована безъ согласія и подписи Александра III. О томъ, чтобы онъ замѣнилъ ее настоящей конституціей, не было и рѣчи, какъ ни заигрывалъ и кокетничалъ онъ

съ этой мыслью въ бытность наслѣдникомъ. Съ напряженіемъ ждали всѣ окружавшіе его, подпишетъ ли онъ ту конституцію, которую уже подписалъ въ день смерти его отецъ. Но Александръ III. не только не выражалъ настойчиваго желанія сдѣлать это, но и медлилъ съ манифестомъ о своемъ восшествіи на престолъ. Ясно было для всѣхъ, что онъ колебался и не зналъ, на чемъ остановиться. Александръ же постепенно сталъ какъ успокаиваться, такъ и склоняться въ сторону одного опредѣленнаго рѣшенія. Онъ уже ждалъ сознательно окончанія процесса цареубійцъ, чтобы дать свой манифестъ о восшествіи на престолъ народу, когда тотъ будетъ подъ тяжелымъ и мрачнымъ вліяніемъ смертной казни, совершенной надъ цареубійцами. Процессъ цареубійцъ произведенъ былъ по его приказу чрезвычайно скоро: 1 марта раздались взрывы бомбъ на Михайловской площади, а 2 апрѣля заговорщики были уже повѣшены. Паника, ужасъ и смятеніе успѣли уже охватить къ тому времени всю интеллигентную Россію, такъ какъ произволу и свирѣпствованію бѣлаго террора не было никакого предѣла, никакого конца. И вотъ при этихъ то условіяхъ Александръ III. опубликовалъ въ концѣ апрѣля свой манифестъ о восшествіи на престолъ. Погибли всѣ надежды, исчезли всѣ мечты и грезы, напрасны были старанія и ужасы всѣхъ послѣднихъ лѣтъ: манифестъ русскаго царя былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ, что не было и мысли и надежды на то, чтобы этотъ самодержецъ всероссій-

скіи и сознательный деспотъ далъ когда нибудь русскому народу хотя бы даже жалкую пародію на конституцію. Впрочемъ, не было еще примѣра, чтобы монархъ давалъ народу свободу и гарантію ея добровольно: конституцію не просятъ, но вырываютъ силой изъ рукъ монарха. Увы, партія Народной воли распалась и исчезла благодаря гибели вожаковъ ея, члены остальныхъ тайныхъ организацій были схвачены, гнили по тюрьмамъ или были сосланы въ Сибирь. Вся остальная русская интеллигенція была разгромлена, разбита и раздавлена. Не было больше людей, кто бы могъ требовать конституцію и бороться за нее жертвою своей жизни.

Манифестъ о вступленіи на престолъ, составленный отъ первой до послѣдней буквы въ автократическомъ и абсолютическомъ духѣ, былъ опубликованъ безъ предварительнаго совѣта и согласія графа Лориса-Меликова и послѣднихъ сколько нибудь либеральныхъ министровъ Александра II.: Милютина, Абазы и др. Спустя пять дней обиженный и разсерженный графъ Лорисъ Меликовъ вышелъ въ отставку. Почти одновременно сдѣлали это министръ финансовъ Абаза, и военный министръ Милютинъ, въ то время какъ министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ вышелъ въ отставку еще раньше, въ апрѣлѣ. А такъ какъ народу не считали нужнымъ сообщить правду о причинахъ отказа названныхъ министровъ отъ ихъ постовъ и портфелей, то каждому изъ нихъ дано было какое

либо назначеніе, сущность и значеніе которыхъ сводились однако къ нулю. Такъ, напримѣръ, Лорисъ Меликовъ, имѣвшій уже въ качествѣ диктатора неограниченную власть надъ всей Россіей, назначенъ былъ помощникомъ главнокомандующаго Кавказской арміей. Спустя какихъ нибудь полгода онъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта. Кто же не знаетъ, что государственный совѣтъ въ Россіи играетъ въ высшей степени жалкую, ненужную и безсмысленную роль? Министры нисколько не обязаны представлять свои законопроэкты и распоряженія на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, и члены послѣдняго никакого вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ и развитіе законодательства не имѣютъ. Назначаютъ же членами этого государственнаго совѣта всѣхъ тѣхъ русскихъ государственныхъ людей, кто сталъ непригоденъ на своемъ активномъ посту, кто сталъ старъ и выжилъ изъ ума, всѣхъ тѣхъ русскихъ министровъ и администраторовъ, кому необходимо заткнуть рты почетнымъ назначеніемъ и высокимъ окладомъ. Наряду съ Лорисъ-Меликовымъ попали въ этотъ пріютъ для бездомныхъ старцевъ Милютинъ и Абаза, причемъ, если Лорисъ-Меликовъ возведенъ былъ въ ни къ чему не обязывающій чинъ генералъ-адъютанта, то Милютина Александръ III. назначилъ почетнымъ президентомъ Николаевской военной академіи, какъ и пожаловалъ ему орденъ Св. Андрея Первозваннаго; Абаза же получилъ въ государственномъ совѣтѣ званіе и постъ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

президента государственной Экономіи. Но пѣсенка ихъ всѣхъ троихъ была въ одинаковой мѣрѣ спѣта, какъ и таже участь постигла графа Валуева, сыгравшаго такую крупную роль при Александрѣ II. Когда Валуевъ долженъ былъ уйти съ поста министра внутреннихъ дѣлъ, онъ сначала принужденъ былъ сидѣть сложа руки въ качествѣ члена государственнаго совѣта. Въ 1872 г. Валуевъ получилъ портфель министра государственныхъ имуществъ, въ 1880 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета министровъ и въ томъ же году получилъ въ день юбилея Александра II. титулъ графа. Валуевъ оцѣнилъ по достоинству характеръ Александра III. въ бытность того наслѣдникомъ и выказывалъ явное недовѣріе къ его либеральнымъ замашкамъ. За это Александръ III. чрезвычайно не взлюбилъ Валуева, и послѣдній былъ вынужденъ выйти въ отставку уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ восшествія того на престолъ. Мало того, противъ него начатъ былъ даже процессъ по обвиненію въ присвоеніи и растратѣ казенныхъ денегъ. Слѣдствіе доказало всю несправедливость возведеннаго на него обвиненія, но хотя графъ Валуевъ получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, какъ и занималъ весьма почетное мѣсто при коронаціи Александра III., его роль была уже окончательно сыграна. Явились новыя птицы и запѣли новыя пѣсни согласно волѣ своего державнаго дирижера. Придворные и приближенные узнали, наконецъ, кто любимцы новаго царя, кто имѣетъ и можетъ имѣть

вліяніе на него и къ кому поэтому необходимо подлаживаться и поддѣлываться. Министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, тотъ самый, котораго еще турки прозвали очень мѣтко отцомъ лжи. Графъ Игнатьевъ хорошо зналъ, что Александръ III. желаетъ всегда и во всемъ быть русскимъ и сохранить для народа русскую національную самобытность внѣ наималѣйшаго вліянія западноевропейской культуры. Поэтому графъ Игнатьевъ очень умѣло разыгрывалъ изъ себя русскаго націоналиста, дружилъ со всякими славянами и русскими панславистами и интриговалъ, поскольку было это ему доступно противъ Германіи и Австро-Венгріи. Одинъ дипломатъ очень мѣтко выразился про графа Игнатьева, что онъ электрическій токъ нигилизма переводитъ на проволоку панславизма. Александръ III. одобрялъ эту хитрую махинацію и давалъ значительную свободу русскимъ націоналистамъ, исходя изъ того соображенія, что лучше если бурливые и неспокойные элементы увлекаются панславизмомъ, нежели дѣлаютъ фронду новому курсу во внутренней политикѣ и, Боже упаси, снова начнутъ увлекаться мыслями о конституціи. Самого же графа Игнатьева Александръ III. очень любилъ и считалъ его прямо таки незамѣнимымъ, поскольку дѣло шло о охранѣ его собственной особы, каковая охрана была за отмѣной третьяго отдѣленія еще при Александрѣ II. поручена министерству внутреннихъ дѣлъ. Другимъ любимцемъ Александра III. былъ нѣ-

мецъ Николай Христіановичъ Бунге. Послѣдній началъ свою карьеру профессоромъ въ Кіевѣ, принадлежалъ къ числу любимцевъ графа Лорисъ-Меликова, и тотъ назначилъ его товарищемъ другой своей креатуры, министра финансовъ Абазы. Когда послѣдній вышелъ въ отставку, Бунге, нѣмецъ и къ тому же лютеранинъ, получилъ назначеніе на постъ министра финансовъ. Нѣмецкіе публицисты, занимавшіеся исторіей эпохи Александра III., очень расхваливаютъ всегда своего компатріота Бунге, который былъ де человѣкомъ долга, истинной морали и усидчиваго труда. Въ сущности же Бунге, какъ умный нѣмецъ, плылъ по теченію и внимательно приглядывался къ тому, откуда вѣтеръ вѣетъ и какой именно вѣтеръ: средне-умѣренный или явно реакціонный. Этимъ путемъ Бунге и съумѣлъ настолько втереться въ довѣріе къ Александру III., что тотъ назначилъ его даже лекторомъ къ своему сыну и наслѣднику, нынѣшнему императору Николаю II., по такимъ предметамъ, какъ политическая экономія и наука о финансахъ, считавшіеся Александромъ III. опасными и крамольными. Далѣе на постъ военнаго министра назначенъ былъ опять таки любимецъ Александра III., генералъ Петръ Семеновичъ Ванновскій. Близкое знакомство и дружба ихъ начались въ 1877 г., когда исключительно для того, чтобы пустить русскому народу и русской арміи пыль въ глаза, наслѣдникъ Александръ Александровичъ назначенъ былъ командующимъ Рущукскимъ отрядомъ во время

русско-турецкой войны. Но Александръ рѣшительно никакими военными талантами не отличался, и весь трудъ и вся отвѣтственность лежали на начальникѣ его штаба, генералѣ Ванновскомъ. Послѣдній былъ человѣкъ умный и исходилъ изъ той точки зрѣнія, что его время еще придетъ. Поэтому онъ всегда старался тогда, чтобы всѣ распоряженія исходили какъ бы отъ Александра Александровича самого, по возможности больше Александру приписывались всяческія побѣды и великіе лавры. Это нравилось при дворѣ, это чрезвычайно льстило самолюбію Александра, и какъ только онъ сталъ царемъ, онъ поспѣшилъ, какъ мы это видѣли выше, назначить преданнаго генерала Ванновскаго военнымъ министромъ. Генералъ Ванновскій понялъ, чего хочетъ Александръ III., и съумѣлъ удержаться на посту министра во все время правленія Александра III. При Николаѣ II. ему пришлось еще къ тому же сыграть крупную роль довѣреннаго лица по вопросу о студенческихъ безпорядкахъ и затѣмъ министра народнаго просвѣщенія.

И на другіе высокіе и отвѣтственные посты Александръ III. назначилъ совершенно новыхъ лицъ, главнымъ образомъ своихъ любимцевъ. Раньше всего упомянемъ о назначеніи на постъ петербургскаго градоначальника, генерала Баранова. Постъ этотъ былъ въ высшій степени отвѣтственный съ точки зрѣнія Александра III., дрожавшаго ежечасно и ежеминутно за свою жизнь. Петербургскій градоначальникъ имѣлъ въ

своемъ распоряженіи возможно широкія полномочія, и можно съ правомъ сказать, что весь Петербургъ со всѣмъ его милліоннымъ населеніемъ былъ выданъ съ головой во власть градоначальника на его милость и гнѣвъ. Генералъ Барановъ былъ чрезвычайно грубый человѣкъ и ограниченный самодуръ. Какъ видъ крови приводитъ уже разъяреннаго быка въ бѣшенство, такъ генералъ Барановъ, опьяненный полученной силой и властью, сталъ съ новымъ, дотолѣ неизвѣстнымъ бѣшенствомъ свирѣпствовать въ Петербургѣ. При этомъ генералъ Барановъ выказалъ настолько чрезмѣрное усердіе, что уже въ августѣ 1881 г. ему предложено было выйти въ отставку. Онъ назначенъ былъ архангельскимъ губернаторомъ и имѣлъ потомъ возможность въ теченіе долгихъ и многихъ лѣтъ свирѣпствовать въ качествѣ нижегородскаго губернатора. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Александра III. было уничтоженіе самостоятельнаго министерства почтъ и телеграфовъ. Этотъ департаментъ уже нѣсколько разъ то принадлежалъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ или министерству народнаго просвѣщенія, то выдѣлялся Александромъ II. въ самостоятельное министерство. Александръ III. сознательно и окончательно присоединилъ его къ министерству внутреннихъ дѣлъ и поставилъ подъ полный контроль министра. Если и вообще въ Россіи частное письмо никогда не было гарантировано отъ вскрытія его на почтѣ или въ пути посторонними руками, то по мысли и желанію Александра III.

письма и телеграммы стали систематически читаться и цензироваться спеціально назначенными цензорами и шпіонами. Русскій человѣкъ, написавшій кому нибудь письмо, никогда не могъ быть при Александрѣ III. гарантированъ, что его письмо не будетъ вскрыто и прочтено на почтѣ; не говоря уже о томъ, что беззалаберность русскихъ почтовыхъ порядковъ не даетъ никому никогда гарантіи въ томъ, что его письмо доставлено будетъ по назпаченію. Александръ III. даже на себѣ самомъ могъ испытать всѣ прелести русской почты послѣреформеннаго періода: письма, направленныя на его имя и содержавшія въ себѣ тѣ или другія жалебы его вѣрноподданныхъ, пропадали столь же аккуратно, какъ и письма, которыя содержали въ себѣ угрозы по его адресу со стороны революціонеровъ и заговорщиковъ. Но въ то время какъ вѣрноподданные не имѣли иной возможности обратиться къ милости царя, заговорщики имѣли своихъ сообщниковъ даже въ самыхъ высшихъ кругахъ петербургской знати. Когда сдѣлана была попытка угрозами добиться отъ Александра III., чтобы онъ не приводилъ въ исполненіе смертной казни надъ цареубійцами, нѣкоторыя высокопоставленныя лица брали на себя трудъ и обязанность положить письма съ угрозами на письменный столъ Александра. И даже за пазухой и за поясками у своихъ дѣтей Александръ находилъ угрожающія письма. Онъ не испугался угрозъ: казнь была совершена. Министерство же почтъ и телеграфовъ

было имъ уничтожено и, какъ мы уже видѣли выше, вся грамотная Россія поставлена была подъ контроль царскихъ цензоровъ.

Изъ дальнѣйшихъ перемѣнъ отмѣтимъ раньше всего отставку князя Горчакова, который одновременно со всѣми своими коллегами-министрами вмѣстѣ со смертью Александра II. потерялъ все свое вліяніе и могущество, князь Горчаковъ къ тому же сталъ уже очень старъ: ему перевалило за восемьдесятъ, и онъ праздновалъ уже свой пятидесятилѣтній юбилей. Когда онъ вышелъ въ отставку, явился вопросъ о его замѣстителѣ. Придворная клика оживилась снова и проявила кипучую дѣятельность въ области интригъ, подвоховъ и подкоповъ другъ противъ друга. Одни протежировали Николаю Карловичу фопъ-Гирсу, ближайшему помощнику и совѣтнику нынѣ отставного князя Горчакова. Другіе наоборотъ желали провести на постъ министра иностранныхъ дѣлъ знакомаго уже намъ графа Игнатьева, въ надеждѣ,что послѣдній вступитъ немедленно въ тѣсную дружбу и связь со всякими славянскими народностями и порветъ добрыя отношенія съ Западной Европой. Къ тому же Игнатьевъ сталъ и неудобенъ, и нежелателенъ на посту министра внутреннихъ дѣлъ. Несмотря на то, что онъ хвалился и хвастался якобы удавшимся ему полнымъ искорененіемъ крамолы, заговорщики снова подняли головы и начали организовываться: ихъ первый выстрѣлъ былъ направленъ, хотя и безуспѣшно, въ одного изъ помощниковъ графа Иг-

натьева, генерала Черевина, который предлагалъ и настаивалъ, чтобы было возобновлено знаменитое третье отдѣленіе. Весною 1882 г. былъ убитъ заговорщиками прокуроръ Стрѣльниковъ въ Кіевѣ и губернаторъ Забайкальской области. На этомъ покушенія закончились; полиціей же своевременно былъ открытъ цѣлый рядъ заговоровъ и организацій. Не мало хлопотъ и безпокойства причинили графу Игнатьеву и жестокіе еврейскіе погромы, имѣвшіе мѣсто въ 1881 и 1882 гг. на всемъ югѣ Россіи. Александръ потерялъ всякое довѣріе къ Игнатьеву и, опасаясь за свою особу, каждый разъ все откадывалъ и откладывалъ свое коронованіе, пока оно наконецъ было совершено при общемъ страхѣ и трепетѣ всѣхъ участниковъ его 15-го мая 1883 г. Въ это время графъ Игнатьевъ былъ уже въ политическомъ отношеніи полнымъ нулемъ. Дѣло въ томъ, что графъ Игнатьевъ пожелалъ сыграть роль второго Лорисъ-Мелпкова. Замѣтивъ и понявъ, что жестокостью и преслѣдованіями ему не успокоить русскій народъ, онъ сталъ предлагать новыя полуреформы: облегчить крестьянамъ выкупные платежи, ввести земства въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ таковыя еще не были введены, да, даже созывать время отъ времени депутатовъ отъ земствъ въ Петербургъ. Но какъ многочисленные враги Игпатьева съумѣли воспользоваться сдѣланнымъ имъ предложеніемъ о новыхъ реформахъ, такъ и Александръ III., вообще разочаровавшійся въ Игнатьевѣ, и слышать не хотѣлъ ни о чемъ подобномъ.

Его довѣріе было даже настолько поколеблено, что даже на постъ министра иностранныхъ дѣлъ онъ не хотѣлъ назначить графа Игнатьева. Этотъ портфель былъ порученъ упомянутому уже выше фонъ-Гирсу, т. е. иными словами уже второй разъ Александръ III., стоявшій на словахъ горой за все русское, назначалъ министромъ и своимъ совѣтникомъ прирожденнаго нѣмца. Графъ Игнатьевъ разобидѣлся и вышелъ черезъ нѣсколько дней въ отставку. По совѣту и настоянію Каткова, Александръ III. назначилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Дмитрія Андреевича Толстого. Графъ Толстой былъ уже болѣе не новичокъ на посту министра. Когда при Александрѣ II., всегда безвольномъ и безхарактерномъ, вмѣстѣ съ перемѣной нѣсколькихъ министровъ народнаго просвѣщенія перемѣнились въ началѣ шестидесятыхъ годовъ системы въ дѣлѣ университетскаго образованія, тотъ же Катковъ и съ нимъ Леонтьевъ, бывшіе вожаками русской консервативной партіи, съумѣли приписать вину въ покушеніи на жизнь Александра министру Головнину, который своимъ университетскимъ уставомъ 1863 г. распустилъ де студенческую молодежь. Не малую роль въ сверженіи министра и выборѣ ему преемника сыграла извѣстная графиня Антонія Дмитріевна Блудова, ханжа первой руки, имѣвшая неограниченное вліяніе на императрицу. Благодаря ея правильно и талантливо организованному походу постъ министра народнаго просвѣщенія былъ порученъ графу Толстому, бывшему

уже тогда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода. Какъ извѣстно, оберъ прокуроры этого гнуснѣйшаго изъ россійскихъ учрежденій всегда были и остаются горемъ и несчастіемъ Россіи. Когда же графу Толстому дали къ тому же еще и полномочія министра народнаго провѣщенія, онъ не замедлилъ повергнуть въ слезы и стенанія весь русскій народъ. Онъ выдалъ начальную школу во власть жадпымъ и грубымъ попамъ. Онъ насильно ввелъ въ польскихъ школахъ русскій языкъ. Онъ ввелъ систему массового исключенія студентовъ изъ университетовъ за малѣйшій пустякъ. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы къ студентамъ примѣнялись самымъ суровымъ образомъ заключеніе въ тюрьмѣ и ссылка въ Сибирь. Когда Лорисъ Меликовъ, ставшій къ концу правленія Александра II. всемогущимъ диктаторомъ, порѣшилъ начать по отношенію къ студенческой и революціонной молодежи политику поощренія и примиренія, ему удалось добиться въ 1880 г. отставки графа Толстого, которому Александръ II. въ теченіе четырнадцати лѣтъ оказывалъ весьма большое довѣріе. И вотъ, какъ мы видѣли выше, когда понадобилось на мѣсто графа Игнатьева назпачить министра внутреннихъ дѣлъ, который могъ бы и долженъ былъ бы дѣйствовать въ духѣ Александра III., графъ Толстой снова былъ призванъ къ силѣ и власти. У всѣхъ еще свѣжо въ памяти, какъ много горя, зла и страданій причинилъ этотъ министръ внутреннихъ дѣлъ русскому народу. Но покончимъ

раньше съ перечисленіемъ и характеристикой лицъ, появившихся вокругъ Александра III. въ качествѣ его любимцевъ и ставленниковъ.

Мы уже упоминали выше имя министра народнаго просвѣщенія Сабурова, замѣнившаго въ 1880 г. графа Толстого. Сабуровъ былъ человѣкомъ умѣреннымъ и другомъ реформъ, но насколько мало онъ понималъ нужды русскихъ университетовъ и нужды русской студенческой молодежи, показываетъ то обстоятельство, что на большой студенческой сходкѣ въ Петербургѣ въ февралѣ 1881 г. онъ былъ публично названъ лицемѣромъ и лгуномъ и даже чуть не избитъ. Конечно, Александръ III. заставилъ его выйти въ отставку не по той причинѣ, что студенты не были довольны имъ, а потому, что хотѣлъ вообще окружить себя совершенно новыми людьми. Выборъ его палъ на этотъ разъ на барона Николаи, бюрократа съ головы до ногъ, который столько же годился въ министры народнаго просвѣщенія, какъ много лѣтъ спустя нынѣ покойный уже Боголѣповъ. Баронъ Николаи не съумѣлъ долго удержаться на своемъ посту и спустя почти годъ уступилъ свой портфель статсъ-секретарю Ивану Давидовичу Делянову. Послѣдній выказалъ наибольшій талантъ въ томъ, что продержался на посту министра народнаго просвѣщенія очень долго, дольше всѣхъ своихъ предшественниковъ. Но ко благу Россіи и къ счастью русскаго народа это нисколько не повело. Деляновъ былъ человѣкомъ въ высшей степени ограни-

ченнымъ, бюрократомъ и реакціонеромъ съ головы до ногъ. Созданный жалкой креатурой, начавшій свою служебную карьеру съ низшихъ должностей, зависѣвъ отъ милости и гнѣва своихъ начальниковъ, Деляновъ и на посту министра былъ не болѣе, какъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ министра внутреннихъ дѣлъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, однако, что Деляновъ обладалъ весьма добрымъ сердцемъ и не отказывалъ ни одному студенту, являвшемуся просить его о чемъ нибудь.

Казалось бы наряду съ министрами, которымъ все же приходилось по меньшей мѣрѣ подписывать входящія и исходящія бумаги, вокругъ Александра III. не было недостатка въ дармоѣдахъ всяческихъ ранговъ и званій, не дѣлавшихъ рѣшительно ничего, но зато исправно получавшихъ и проживавшихъ свои высокіе оклады изъ кровныхъ народныхъ денегъ. Тѣмъ не менѣе Александръ III. былъ, можно сказать, неистощимъ въ созданіи всякаго рода новыхъ званій, ранговъ и придворныхъ учрежденій, оплачиваемыхъ все тѣми же народными деньгами. Однимъ изъ первыхъ подобныхъ учрежденій была т. н. императорская главная квартира, созданная въ началѣ 1884 г. въ интересахъ лучшей охраны царской особы. Къ этой главной квартирѣ принадлежатъ и командующій ею, и его помощникъ, и ихъ огромная свита, и комендантъ, и штабъ-офицеръ для особыхъ порученій и лейбъ-врачи, и придворные духовники, и огромнѣйшая канцелярія. Сло-

вомъ, чтобы кормить все это сборище бездѣльниковъ, нужны ежегодно чуть ли не милліоны. Но Александръ III. не привыкъ считаться съ тѣмъ, насколько въ состояніи русскій народъ кормить своимъ трудомъ всѣхъ царскихъ нахлѣбниковъ. Онъ задалъ своей главной квартирѣ чрезвычайно много дѣла: она должна была охранять всюду и вездѣ его особу, сопровождать въ полномъ составѣ его во время переѣздовъ и путешествій и принимать всѣ прошенія и ходатайства, поступавшія на личное имя царя. Послѣднее было наиболѣе легкой обязанностью, такъ какъ корзинки для бумагъ были заказаны чрезвычайно глубокія и вмѣстительныя, и въ каминахъ всегда весело сверкалъ огонь, жадно пожиравшій бросаемую въ него груду бумаги. Александру же III. докладывали изо дня въ день, что Россія находится въ полнѣйшемъ счастьи и благополучіи, а русскій народъ настолько доволенъ и благодаренъ, что на имя царя не поступаютъ никакія жалобы или ходатайства. Зато много труда и хлопотъ выпадало на долю той спеціальной канцеляріи, которую Александръ назначилъ для разсмотрѣнія правильности предложеній, поступающихъ относительно наградъ, орденовъ и повышеній въ чинахъ. Тутъ уже, конечно, каждому хотѣлось урвать кусочекъ отъ обильнаго пира, и названная канцелярія стала настоящимъ адомъ минъ и контръ-минъ, подкоповъ и подвоховъ, подкуповъ и взяточничества. Одни пускали въ ходъ деньги, другіе протекцію, и канцелярія, конечно, одобряла вся-

ческія поступавшія предложенія и представленія о наградахъ и орденахъ. Мерзости и взяточничество настолько широко и властно царили въ этой канцеляріи, что вскорѣ уже самъ Александръ III., а позже и нынѣ царствующій Николай II, сочли необходимымъ реформировать ее. Не мало кровныхъ, нажитыхъ потомъ и трудомъ денегъ пожираетъ у русскаго народа т. н. министерство двора. Не самое это министерство было бы столь тяжелымъ бременемъ для русскаго народа, если бы не ухлопывались милліоны и десятки милліоновъ народныхъ денегъ на жизнь и содержаніе царя и царской семьи, какъ и всѣхъ великихъ князей и великихъ княгинъ. Сколько ухлопывается на это денегъ, неизвѣстно никому изъ тѣхъ, кто не можетъ поживиться какой нибудь частицей ихъ. Александръ III. постановилъ, чтобы министръ двора, который въ тоже время министръ удѣловъ и орденскій канцлеръ, давалъ отчетъ въ своихъ расходахъ одному царю. Такимъ образомъ, центромъ этого реформированнаго министерства двора является частный кабинетъ царя. Въ его тиши тратятся, распредѣляются и растыриваются вполнѣ безконтрольно народные милліоны. Само собою разумѣется, министръ двора становится при подобныхъ условіяхъ чрезвычайно вліятельной особой и имѣетъ честь считаться чуть ли не ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ царя. Какъ при Николаѣ I. министромъ двора былъ графъ Адлербергъ, такъ при Александрѣ II. ту же должность занималъ сынъ названнаго министра,

графъ Александръ Адлербергъ. Онъ былъ до того могущественъ и вліятеленъ, что его въ шутку называли Александромъ III. Это задѣвало и оскорбляло наслѣдника Александра Александровича, никогда не пользовавшагося при жизни отца властью и вліяніемъ. Когда онъ, наконецъ, сталъ Александромъ III., графъ Адлербергъ понялъ, что его роль окончательно сыграна, и немедленно вышелъ въ отставку. Вмѣстѣ съ нимъ палъ и его братъ, графъ Николай Адлербергъ, бывшій съ 1866 г. финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Финляндское генералъ-губернаторство при Александрѣ III. особой роли не играло, хотя въ самое послѣднее время и старались съ русской оффиціальной стороны лансировать слухъ, будто всѣ нынѣшнія стѣсненія, примѣненныя къ финляндцамъ, вырабатывались и разрабатывались уже при Александрѣ III. На мѣсто же того графа Адлерберга, который былъ министромъ двора, Александръ III. назначилъ своего любимца и друга, графа Илларіона Иваповича Воронцова-Дашкова. Мы не находимъ въ обширномъ русскомъ словарѣ достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить на бумагѣ, какъ колоссально велико было вліяніе и могущество графа Воронцова-Дашкова во все время правленія императора Александра III. Послѣдній довѣрялъ ему, какъ никому другому. Графъ сопровождалъ царя всюду и вездѣ, какъ и былъ своимъ человѣкомъ у него во дворцѣ. Надо отдать справедливость, графъ злоупотреблялъ своимъ могущественнымъ

положеніемъ только лишь постольку, поскольку было необходимо пристроить всѣхъ своихъ чадъ, домочадцевъ и родственниковъ, а равно и всѣхъ нужныхъ и рекомендованныхъ человѣчковъ. Слово министра двора стало прямо таки закономъ для всѣхъ высшихъ чиновъ придворной знати и аристократіи. Большую роль играло при этомъ то обстоятельство, что къ графу Воронцову-Дашкову относилась съ большими симпатіями императрица Марія Ѳедоровна. Особенно явно она этихъ симпатій своему любимцу выказывать не могла, и не потому, что опасалась людскихъ толковъ или доказаннаго факта, что дворцовыя стѣны всегда имѣютъ уши, готовыя слышать и глаза, жаждущіе подглядѣть то, что имъ видѣть не полагается. Нѣтъ, она просто на просто боялась мужа, который не въ примѣръ всѣмъ своимъ предшественникамъ на русскомъ престолѣ держался строгой семейной морали. Онъ жилъ въ честномъ единобрачіи съ Маріей Ѳедоровной, не заводя себѣ ни второй монаргатической жены, ни гарема любовницъ. Это фактъ, что онъ никогда не соблазнялся раскошными фигурами или смазливыми личиками придворныхъ дамъ или камеръ-фрейлинъ. Той же высокой семейной нравственности онъ требовалъ отъ всѣхъ окружавшихъ его, и кто зналъ доподлинно его суровый, рѣшительный характеръ, тотъ понималъ, что онъ собственными руками задушилъ бы или избилъ до смерти Марію Ѳедоровну, если бы имѣлъ поводъ и право заподозрить ее въ супружеской невѣрности. Марія Ѳедоровна знала

это не менѣе хорошо и въ своихъ симпатіяхъ къ графу Воронцову-Дашкову не шла дальше предѣловъ, предписываемыхъ приличіями и невозможностью хранить во дворцѣ тайну. Боже упаси, если бы нѣчто подобное могло дойти до ушей Александра III.: онъ вѣдь въ сущности былъ ея благодѣтелемъ и могъ бы свое благодѣтельствованіе смѣнить жесточайшими поруганіями. Мы должны замѣтить, что Марія Ѳедоровна въ бытность ея датской принцессой сдѣлалась сначала невѣстой не Александра, а его старшаго брата Николая, который въ совсѣмъ молодые годы умеръ въ Ниццѣ не то отъ чахотки, не то отъ сухотки. Насколько сей принцессой руководила нелюбовь къ своему жениху, а только лишь желаніе блистать и властвовать въ качествѣ будущей русской императрицы, явствуетъ изъ того, что немедленно послѣ смерти Николая Марія Ѳедоровна стала ловить въ свои сѣти Александра, ставшаго отнынѣ русскимъ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Это ей и удалось: отчасти молодой Александръ попался въ разставленныя сѣти, отчасти онъ завидовалъ уже и раньше своему старшему брату, нашедшему себѣ столь красивую невѣсту. Словомъ, онъ женился на Маріѣ Ѳедоровнѣ, и она достигла пока что долгожданнаго блеска. Но ей этого было мало: она жаждала власти, власти и власти. И долго, очень долго пришлось ей ждать этой власти. Сначала при дворѣ Александра II., ея супругъ, бывшій въ теченіе долгихъ, долгихъ лѣтъ наслѣдникомъ, игралъ роль чуть ли не равную нулю. За-

тѣмъ, когда онъ сталъ, наконецъ, царемъ, онъ забралъ энергично и рѣшительно всю власть въ свои руки, не позволяя ни женѣ, ни вообще кому бы то ни было изъ числа бабскаго сословія вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Умная и хитрая Марія Ѳедоровна изъ опасенія кулака и окрика своего супруга дѣлала видъ, что рѣшительно ни во что не вмѣшивается. Вліять же она на супруга и на его рѣшенія и постановленія все таки вліяла: косвеннымъ путемъ, черезъ графа Воронцова-Дашкова, которому она оказывала и женское вниманіе и который уже превосходно зналъ, какъ нужно вліять на Александра. Когда послѣдній умеръ, развязались во всѣхъ отношеніяхъ руки Маріи Ѳедоровны: теперь и близкую дружбу съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ можно было свободно проявить, и при безхарактерности сына ей удалось забрать весьма значительную долю власти въ свои руки. Но мы зашли нѣсколько много впередъ.

Выше было уже сказано, что Александръ III. держалъ всю свою семью въ страхѣ и безусловномъ повиновеніи. Того же самаго онъ требовалъ и отъ всѣхъ вообще великихъ князей и княгинь, хотя между ними были лица значительно старше его. Вступилъ онъ на престолъ 36 лѣтъ отъ роду, имѣя уже наслѣдника. Но мы же видѣли, при какихъ обстоятельствахъ совершилось его восшествіе на престолъ. Бомба или пуля могли въ то смутное время сразить его не то, что ежедневно, а даже ежечасно, и до достиженія его стар-

шимъ сыномъ законнаго совершеннолѣтія онъ назначилъ на случай своей смерти регентомъ своего брата Владиміра. Это было одно изъ самыхъ первыхъ постановленій Александра III. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда онъ, можно сказать, пресытился всяческими интригами, въ которыхъ принимали участіе за его спиной и противъ него даже многіе великіе князья, Александръ III. выработалъ особый фамильный статутъ для русскаго царствующаго дома. Согласно этому статуту на титулъ великаго князя съ прибавленіемъ императорскаго высочества имѣли отнынѣ право только прямые потомки русскихъ царей по мужской линіи, а также братья и сестры царей. Это не распространялось, однако, на правнуковъ царствовавшихъ императоровъ. Эти правнуки, а также и ихъ старшіе сыновья имѣли право лишь на титулъ князей съ прибавленіемъ высочества. Наконецъ, младшіе сыновья правнуковъ и ихъ потомки мужского пола имѣютъ право лишь на титулъ князей съ прибавленіемъ свѣтлость. Наконецъ, титулъ цесаревича принадлежалъ одному только наслѣднику престола. Само собою разумѣется, объ этомъ распредѣленіи титуловъ и званій дали знать народу въ торжественной формѣ. Но подавленный своими нуждами народъ могъ бы возрадоваться лишь въ томъ одномъ случаѣ, если бы его освободили, наконецъ, отъ тяжелой навязанной необходимости содержать всю эту громадную орду дармоѣдовъ и бездѣльниковъ царской крови. Русскій на-

родъ держится трезваго взгляда на вещи и не видитъ ничего сколько нибудь цѣннаго и реальнаго въ громкихъ титулахъ и орденахъ. Поэтому только лишь злымъ смѣхомъ и равнодушнымъ пожатіемъ плечами встрѣчено было опредѣленіе Александра III. о томъ, кому изъ великихъ князей полагаются всѣ ордена въ моментъ рожденія, кому только лишь при достиженіи совершеннолѣтія и кому, наконецъ, никакіе ордена безъ проявленныхъ заслугъ не полагаются. Все это было бы, конечно, только лишь смѣшно, если бы не было печально то обстоятельство, что всѣ эти дорого стоющіе ордена и звѣзды изготовляются на народныя деньги. Среди великихъ князей и ихъ клики фамильный статутъ Александра III. произвелъ очень много переполоху: одни чувствовали себя обиженными и обойденными, а другіе полагали, что они несправедливо отиснуты на задній планъ. Слѣдствіемъ же было то, что интриги и злобствованія начались еще въ болѣе значительной мѣрѣ. Великокняжескую молодежь и всяческихъ царскихъ кузеновъ можно было еще держать въ извѣстномъ страхѣ и почтеніи, но братья царя и дядьки его подняли шумъ и составили чуть ли не открытую фронду противъ Александра. Опъ нашелъ, однако, средство удовлетворить нѣкоторыхъ изъ фрондировавшихъ великихъ князей назначеніемъ ихъ на высокіе и отвѣтственные посты. Этимъ самымъ онъ надѣялся поднять въ народѣ чувство монархизма и респекта передъ многочисленной царской семьей. Но

народъ оставался ко всему этому равнодушнымъ, а развитая интеллигенція потѣшалась про себя надъ тѣмъ, что среди царской семьи открылось такъ много всяческихъ талантовъ. Великій князь Владиміръ Александровичъ сталъ командующимъ войсками петербургскаго военнаго округа. Великій князь Сергѣй Александровичъ попалъ въ администраторы, получивъ постъ московскаго генералъ-губернатора. Великій князь Михаилъ Николаевичъ состоитъ президентомъ государственнаго совѣта, великій князь Константинъ Константиновичъ-президентомъ академіи наукъ и т. д. Были среди великихъ князей и такіе, которые не пользовались любовью Александра III., какъ напр. великій князь Михаилъ Михайловичъ, женившійся противъ воли главы царскаго дома на графинѣ Софьѣ Меренбергъ. Александръ былъ даже настолько разсерженъ, что приказалъ лишить великаго князя Михаила Михайловича всѣхъ его титуловъ и воспретить ему проживательство въ Россіи. Михаилъ Михайловичъ жилъ послѣ этого съ своей супругой на югѣ Франціи, гдѣ у него и родилась дочь, носящая по имени матери званіе графини Терби. Когда Александръ III. умеръ, сдѣланы были попытки и небезуспѣшно въ пользу того, чтобы императоръ Николай примирился съ Михаиломъ Михайловичемъ и вернулъ ему почести, принадлежащія великому князю. Точно также при нынѣшнемъ императорѣ значительно облегчилось положеніе княгини Юрьевской и ея семьи, которыя при Александрѣ III.

занимали весьма незавидное положеніе. Мы уже указывали выше, что княгиня Юрьевская была второй морганатической женой Александра II. Послѣдній вообще былъ чрезвычайно неравнодушенъ къ женскому полу и при жизни еще своей супруги имѣлъ не мало любовныхъ приключеній съ придворными дамами и фрейлинами. Всѣ эти приключенія были не долговѣчны, до тѣхъ поръ пока Александръ II. встрѣтился съ замѣчательно красивой княжной Екатериной Михайловной Долгорукой. Она плѣнила сластолюбиваго царя настолько, что онъ забросилъ всѣ свои амурныя похожденія и былъ преданнѣе красивой княжнѣ, нежели своей собственной женѣ. Вскорѣ онъ прижилъ съ нею сына. Это было въ 1872 г. Спустя годъ княгиня Долгорукая имѣла уже отъ Александра II. и дѣвочку. Принужденный жить на двѣ семьи, Александръ II. изо дня въ день ѣздилъ изъ дворца въ гости къ княжнѣ и своимъ дѣтямъ. Повторявшіяся одно за другимъ покушенія на его жизнь побудили его, наконецъ, прекратить эти ежедневные визиты. Сдѣлано же было это такимъ путемъ, что княжна съ дѣтьми поселилась въ зимнемъ дворцѣ, т. е. подъ одной кровлей съ законной женой Александра. Когда послѣдняя умерла, Александръ объявилъ своимъ дѣтямъ и всѣмъ родпымъ, что онъ хочетъ жениться на княжнѣ Долгорукой. Можно себѣ легко представить, какой шумъ и гамъ поднялся по этому поводу во дворцѣ. Во главѣ протестовавшихъ стояли наслѣдникъ Александръ Александровичъ

и его жена Марія Ѳедоровна. Первый былъ сильно оскорбленъ за мать, которая была вынуждена жить въ одномъ домѣ съ любовницей своего невѣрнаго супруга, а оба они, наслѣдникъ и его жена, чрезвычайно истосковались по власти. Они опасались, что вторая жена Александра II. можетъ имѣть на него настолько крупное вліяніе, что пожалуй Александръ II. назначитъ своимъ наслѣдникомъ мальчика, рожденнаго ему княжной Долгорукой. Воспрепятствовать окончательно браку наслѣдникъ и его супруга не могли, но добились того, что княжна Долгорукая, получившая ко времени ея брака съ Александромъ II. титулъ свѣтлости и имя княгини Юрьевской, подписала за себя и за своихъ дѣтей (вторую дѣвочку она подарила императору Александру II. въ 1878 г.) полное отреченіе отъ какой бы то ни было политической ролп. Александръ III., вступивъ на престолъ, жестоко отомстилъ княгинѣ Юрьевской, изгнавъ раньше всего ее и ея дѣтей изъ дворца и не оказывая имъ во все время своего правленія никакихъ знаковъ вниманія. Онъ хотѣлъ даже лишить ихъ всякихъ средствъ къ существованію, но его предупредили, что благодаря этому пойдутъ несомнѣнно толки, и народъ узнаетъ о второмъ бракѣ его отца, тщательно скрытомъ отъ народа. Такъ до сихъ поръ княгиня Юрьевская и получаетъ прилпчное содержаніе все изъ тѣхъ же многострадальныхъ народныхъ денежекъ. Ея старшій сынъ Георгъ служитъ офицеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскомъ полку, а ея стар-

шая дочь вышла въ маѣ 1885 г. за графа Георга Меренберга.

Любопытно, что если Марія Ѳедоровна не имѣла, какъ мы уже указали выше, весьма желаннаго ей вліянія на государственныя дѣла, то въ вопросахъ иностранной политики она была чрезвычайно освѣдомлена и весьма дѣятельна. Объяснялось это очень легко тѣмъ, что она была дочерью понынѣ здравствующаго датскаго короля и его супруги, скончавшейся года два назадъ. Покойная датская королева, достигшая весьма почтеннаго возраста, умѣла чрезвычайно хорошо пристроить всѣхъ своихъ дѣтей, какъ и равно любила выгодно и удачно женить всѣхъ своихъ внуковъ и внучекъ. Мало по малу она стала тещей всѣхъ крупныхъ европейскихъ дворовъ и династій. Сынъ датской королевской четы, вѣдь, греческій король, и женатъ онъ на русской великой княжнѣ Ольгѣ Константиновнѣ, которая чуть ли не каждый годъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы своимъ заступничествомъ у могущественнаго русскаго царя устраивать внѣшнія дѣла маленькой и безсильной Греціи. Ей это удается въ очень высокой степени, благодаря ея неустаннымъ хлопотамъ русскій царь предотвратилъ полный разгромъ Греціи турками во время послѣдней греко-турецкой войны, какъ равно и провелъ назначеніе сына Ольги Константиновны, принца Георга, Критскимъ губернаторомъ. Старшій сынъ и наслѣдникъ ея и греческаго короля женатъ на сестрѣ германскаго импера-

тора, и въ этомъ отношеніи покойная датская королева очень хорошо пристроила своего внука. Одну свою дочь Дагмару она сосватала, какъ мы видѣли выше, за русскаго наслѣдника, а когда тотъ умеръ, немедленно же за новаго русскаго наслѣдника, и не мало радовалось ея материнское сердце, когда Марія Ѳедоровна стала, наконецъ, русской императрицей. Старушка королева не дожила лишь немного, чтобы видѣть и свою вторую дочь могущественной королевой; вторая же ея дочь замужемъ за нынѣшнимъ англійскимъ королемъ. Но и при жизни матери, покойной королевы Викторіи, принцъ Уэльскій игралъ крупную роль. Умная и интеллигентная датская королева состояла со всѣми своими вліятельными дѣтьми и родственниками въ неустанной перепискѣ, очень часто приглашала ихъ къ себѣ въ Копенгагенъ и Фреденсборгъ и тамъ рѣшала съ ними судьбы Европы. Благодаря просьбамъ Маріи Ѳедоровны, которую тянуло къ своимъ родителямъ и которая получала отъ своей мамаши различныя инструкціи по вопросамъ внѣшней политики, Александръ III. довольно часто ѣздилъ съ супругой и семьей въ Данію. Тамъ, въ Фреденсборгѣ, онъ даже построилъ для себя особый дворецъ и велъ тамъ жизнь мирнаго буржуа. Онъ ходилъ въ цивильномъ платьѣ, совершалъ прогулки по обширному парку и расхаживалъ по городу безъ всякой охраны.

— Только здѣсь, въ Даніи, я и могу подышать свободно, любилъ говаривать онъ. Александръ только

не понималъ, что достаточно было ему сказать только лишь одно слово, и онъ могъ бы дышать не менѣе свободно и у себя въ Россіи, среди русскаго народа. Но онъ не хотѣлъ произнести этого великаго и плѣнительнаго слова: свобода, и что же удивительнаго, если онъ жилъ въ вѣчномъ страхѣ передъ покушеніемъ и вѣчномъ, ежедневномъ, ежечасномъ и даже ежеминутномъ страхѣ и трепетѣ за свою жизнь. И дѣйствительно недостатка ни въ заговорахъ, ни въ покушеніяхъ не было. Если они было въ значительно меньшей степени извѣстны публикѣ, то это происходило по той причинѣ, что при Александрѣ II. о покушеніяхъ на жизнь царя и его ставленниковъ все же оффиціально публиковались краткія свѣдѣнія. Теперь же не только, какъ и раньше, вся русская печать не могла ни единымъ словомъ или намекомъ сообщать читателямъ о происшедшемъ покушеніи или раскрытомъ заговорѣ, но и вообще все, что ни случалось съ особой Александра III. или вокругъ его, обставлялось чрезвычайной таинственностью, чтобы не только не узналъ объ этомъ народъ, чтобы не только свѣдѣнія о раскрытомъ заговорѣ или состоявшемся покушеніи не проникали въ западно-европейскую печать, но чтобы даже о покушеніяхъ и заговорахъ не знали придворные или тѣмъ паче иностранные послы. Вотъ почему въ иностранныхъ архивахъ, на основаніи которыхъ мы составляемъ наше жизнеописаніе Александра III., говорится всегда о неопредѣленныхъ слухахъ, будто состоялось покушеніе или полиціи удалось

открыть новый крупный заговоръ противъ жизни русскаго царя. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить здѣсь же, что иностранные послы въ своихъ донесеніяхъ предостерегали свои правительства отъ чрезмѣрной вѣры указанныхъ выше слуховъ: при дворѣ составилась особая клика, пользующаяся страхомъ Александра и спеціально инсценирующая время отъ времени небольшія покушенія, чтобы этимъ путемъ еще больше запугать его, какъ равно и подъ шумокъ обдѣлать свои темныя дѣлишки. Съ другой же стороны, высшіе чины полиціи и жандармеріи настолько полюбили щедроты Александра III., когда они въ началѣ его царствованія постарались на славу, что въ ненасытной жаждѣ орденовъ и отличій они то и дѣло благополучно раскрывали заговоры, составленные ихъ же наемниками. Подымался радостный шумъ, чины и ордена сыпались какъ изъ рога изобилія: хорошо оплаченные наемники шли на короткое время въ тюрьму и вскорѣ освобождались втихомолку, чтобы подъ другими именами, съ сбритыми на этотъ разъ усами или отпущенными на этотъ разъ бородами сыграть ту же роль злокозненныхъ заговорщиковъ противъ священной особы и драгоцѣнной жизни царя. Настоящіе же заговорщики были послѣ разгрома 1881 г. въ весьма малочисленномъ количествѣ, и къ тому же теперь Александръ III. былъ окруженъ неприступной китайской стѣной охраны.

Петербурга Александръ не любилъ и чрезвычайно

боялся. Онъ жилъ постоянно въ Гатчинѣ, гдѣ на значительное разстояніе не было ни единой живой души, кромѣ приближенныхъ придворныхъ и дворцовыхъ слугъ. Гатчина была прямо таки крѣпость. На нѣсколько верстъ вокругъ день и ночь дежурили солдаты, сквозь цѣпь которыхъ безъ разрѣшенія дворцового управленія не могъ пройти живымъ ни въ ту, ни въ обратную сторону ни одинъ человѣкъ. Мало того у всѣхъ входовъ и выходовъ дворца и парка, обнесеннаго крѣпостной стѣной съ бойницами, стояли опять таки солдаты съ заряженными ружьями, имѣвшіе приказъ стрѣлять во всякаго, кто сдѣлаетъ попытку проникнуть во дворецъ. Александръ опасался и подкоповъ и поджоговъ: поэтому часовые не спали день и ночь въ подвалахъ и на чердакахъ дворца. Наконецъ, у дверей кабинета и спальной царя стояли безсмѣнно и безпрерывно его лейбъ-казаки съ здоровеннѣйшими кулачищами, способными раздробить черепъ всякаго, кто попытался бы проникнуть къ царю. Приняты были мѣры и на тотъ случай, если бы заговорщики вздумали поднести Александру отраву. Противъ этого приняты были чрезмѣрныя мѣры предосторожности. За провизіей посылали каждый разъ въ другое мѣсто и къ другому лицу, причемъ поставщики провизіи никогда не знали, что у нихъ забираются припасы для царскаго стола. Не довѣряя поварамъ, Александръ распорядился, чтобы очередной поваръ и его помощники назначались ежедневно въ послѣдній моментъ вне-

запно и неожиданно для нихъ. При входѣ въ кухню изъ ихъ жилищъ повара и поварепки тщательно обыскивались дежурными офицерами. Но и этого всего Александру было еще мало: онъ распорядился, чтобы кто нибудь изъ его семьи постоянно дежурилъ на кухнѣ. Къ тому же Александръ садился за столъ всегда въ кругу семьи и приближенныхъ, и пока послѣдніе не уписывали за обѣ щеки, Александръ не дотрагивался до кушаньевъ. Все это было для него тѣмъ болѣе мучительно, что онъ, какъ извѣстно, любилъ чрезвычайно плотно и сытно поѣсть, и всѣ его вѣчные страхи и тревоги не мѣшали его тучности и полнотѣ.

Принимались прямо таки невообразимыя для ума иностранца мѣры предосторожности, когда Александръ долженъ былъ совершить болѣе или менѣе дальнюю поѣздку. Переѣзжалъ ли онъ изъ Гатчины въ Петербургъ или обратно, солдаты стояли неразрывной цѣпью на всемъ пути вдоль рельсъ и на улицахъ вплоть до въѣзда во дворецъ. Въ народѣ же очень умѣло распространили разъ навсегда слухъ, будто этимъ путемъ войска по доброй волѣ всѣхъ, отъ высшихъ командировъ до послѣдняго солдата, оказываютъ почести своему обожаемому монарху и царю. Если же Александръ совершалъ болѣе отдаленную поѣздку на югъ или заграницу, сотни тысячъ войска занимали заблаговременно всю многоверстную линію желѣзныхъ дорогъ. Вдоль пути тщательно засыпалась каждая малѣйшая рытвинка.

Тѣ деревни, которыя лежали неподалеку отъ рельсоваго пути, становились наглухо отрѣзанными отъ послѣдняго. Обыскивалась каждая мужицкая хата, не ведетъ ли изъ нея подкопъ подъ рельсы. За недѣлю или двѣ до прохожденія царскаго поѣзда солдаты становились уже въ цѣпь и наблюдали, чтобы каждый, получившій надлежащее разрѣшеніе пройти или переѣхать черезъ рельсы, дѣйствительно миновалъ цѣпь и по другую сторону переѣзда. Въ послѣдніе же три дня цѣпь стягивалась вплоть къ рельсамъ. Ружья заряжались огнестрѣльными патронами, солдаты стояли спиной къ рельсамъ и имѣли приказъ стрѣлять во всякаго, кто бы даже попытался приблизиться къ рельсамъ. Но кромѣ всего этого императорская главная квартира, заботившаяся объ охранѣ царя во время пути, пускалась на всевозможныя хитрости. Одинъ разъ внезапно мѣнялось направленіе пути, такъ что только заранѣе разставлялись войска на всякій случай по различнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ другой разъ пускались съ небольшими промежутками одинъ за другимъ три вполнѣ одинаковыхъ царскихъ поѣзда, вслѣдствіе чего никто не зналъ, въ какомъ поѣздѣ находился царь, или же наконецъ поступали и такъ: нѣсколько дней подрядъ пускали въ различные часы царскій поѣздъ, не давая, однако, никому примѣтить, въ какомъ именно поѣздѣ находится Александръ съ семьей и свитой. Онъ уже давно проѣхалъ и укатилъ за сотни верстъ, а солдаты все еще стоятъ десятками тысячъ въ холодъ

и зной и оказываютъ воинскія почести проходящимъ мимо пустымъ поѣздамъ.

Если принять все это во вниманіе, то извѣстное покушеніе близь станціи Борки надо счесть прямо таки геніально задуманнымъ и проведеннымъ. Царскій поѣздъ со всей царской семьей шелъ съ юга на сѣверъ, когда вблизи названной станціи раздался взрывъ, поѣздъ сошелъ съ рельсъ, и всѣ вагоны разбились вдребезги. Поднялся общій вопль и стонъ. Однимъ изъ первыхъ, выбравшихся изъ подъ обломковъ и развалинъ, былъ Александръ. Съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ онъ приказалъ окружавшимъ его лицамъ и сбѣжавшимся солдатамъ приступить къ розыскамъ всѣхъ членовъ его семьи и остальныхъ, находившихся еще подъ обломками. Это, дѣйствительно было какое то чудеское спасеніе, ибо въ то время какъ тяжело раненные и мертвые лежали десятками вокругъ, вся царская семья спаслась: Александръ отдѣлался однимъ испугомъ, Марія Ѳедоровна, какъ она сама объ этомъ телеграфировала въ Гейдельбергъ графу Шувалову, получила синяки подъ глазами, всѣ же дѣти получили болѣе или менѣе тяжелыя поранепія. Старшая дочь Александра Ксенія осталась на всю жизнь горбатой, и это въ значительной мѣрѣ послужило причиной тому, что ее выдали замужъ за своего же родственника, великаго князя Александра Михайловича. Конечно, народу не было сообщено ни о томъ, что члены царской семьи понесли увѣчья, какъ равно ни о томъ, что крушеніе

поѣзда было слѣдствіемъ удавшагося покушенія. Въ оффиціальныхъ телеграммахъ, коими русскій народъ былъ оповѣщенъ о случившемся, говорилось лишь о неожиданномъ крушеніи по неизвѣстной причинѣ, причемъ Александръ будто бы самъ передалъ въ руки кого то изъ высшихъ чиновъ, какъ объектъ для будущаго слѣдствія, собственноручно поднятую имъ гнилую шпалу. На картинахъ, пущенныхъ въ народъ въ милліонныхъ экземплярахъ, были изображены и обломки царскаго поѣзда, и груды тѣлъ убитыхъ придворныхъ и слугъ. Самъ же Александръ былъ изображенъ стоящимъ въ сторонѣ и окруженнымъ всѣми членами своей семьи, здоровыми и невредимыми. Спасеніе было названо немедленно чудеснымъ избавленіемъ отъ опасности, какъ равно народу старались внушить, что Божій промыслъ спасъ для Россіи своего помазанника и ея царя, въ то время какъ вся интеллигентная Россія скрежетала зубами и проклинала неудачу покушенія, но вынуждена была вмѣстѣ съ остальной частью населенія служить и выслушивать безконечные молебны, принимать участіе въ поздравленіяхъ, и, наконецъ, выражать свои вѣрноподданическія чувства. Единственнымъ сколько нибудь благопріятнымъ результатомъ этого чудеснаго спасенія было то обстоятельство, что всюду и вездѣ сооружены были различнаго рода благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія въ память чудеснаго избавленія и т. д. Кромѣ того, этотъ же день 17-го октября былъ отнынѣ объявленъ табель-

нымъ, высокоторжественнымъ днемъ, каковой все съ тѣмъ же скрежетомъ зубовнымъ подневольно празднуется русскимъ народомъ и теперь, такъ какъ нынѣшній царь, тогдашній наслѣдникъ, находился въ числѣ спасенныхъ.

Несмотря на всѣ старанія и розыски, полиціи и жандармамъ не удалось раскрыть и схватить заговорщиковъ, совершившихъ это феноменальное покушеніе. Тѣмъ болѣе приняты были мѣры, чтобы изобразить катастрофу однимъ лишь случайнымъ крушеніемъ поѣзда, каковое при данныхъ условіяхъ не могло быть никѣмъ и ничѣмъ предупреждено. Понадобились, конечно, и козлы отпущенія. Министръ путей сообщенія бравый адмиралъ К. Н. Посьетъ, въ сущности нисколько не виновный въ случившемся крушеніи и неотвѣтственный за него, вынужденъ былъ выйти въ отставку. На его мѣсто былъ назначенъ Гюббенетъ (т. е. опять таки иностранецъ, такъ какъ Александръ III. все больше и больше терялъ довѣріе къ своимъ русскимъ министрамъ), который и продержался на этомъ посту до января 1892 г. Затѣмъ на постъ министра путей сообщенія былъ назначенъ Кривошеинъ, и вся Россія была немало изумлена, когда чуть ли не первымъ распоряженіемъ императора Николая II. была отставка Кривошеина. Изъ устъ въ уста передавалась тогда версія, будто Кривошеинъ палъ по той причинѣ, что поздравилъ неудачно Николая II., сопровождавшаго трупъ отца, съ благополучнымъ прибытіемъ. Въ сущности

это не такъ, и вполнѣ документально установлено, что Кривошеинъ палъ вслѣдствіе взяточничества и растраты государственныхъ суммъ. Къ концу царствованія Александра III. произошли и еще нѣкоторыя перемѣны въ составѣ его министровъ и ближайшихъ совѣтниковъ. Графъ Толстой былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ до конца восьмидесятыхъ годовъ. Насколько онъ умѣлъ править и распоряжаться въ духѣ Александра III., насколько онъ былъ ненавистенъ русскому народу, показываетъ то обстоятельство, что на его жизнь въ мартѣ 1888 г. произведено было покушеніе. Оно окончилось полной неудачей, но графу Толстому суждено было свирѣпствовать еще только немногимъ свыше года; онъ умеръ естественной смертью въ маѣ 1889 г. Русскій народъ облегченно перевелъ духъ, но не на долго. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ И. Д. Дурново, копія его предшественника, графа Толстого, и къ тому же весьма скверная копія. Онъ владычествовалъ надъ Россіей до 1895 г., пока нынѣшній императоръ, вступивъ на престолъ, по примѣру своего отца не произвелъ полнѣйшую перетасовку всѣхъ своихъ министровъ и совѣтниковъ. Дурново попалъ при этомъ случаѣ въ предсѣдатели комитета министровъ. Его предшественникомъ на этомъ посту не играющемъ сколько нибудь существенной роли, былъ знакомый уже намъ Бунге, котораго Александръ III. очень любилъ и назначилъ предсѣдателемъ комитета министровъ въ надеждѣ, что этотъ хитренькій нѣмецъ

съумѣетъ жить со всѣми въ ладу и будетъ примиряющимъ звеномъ между министрами, вѣчно ссорящимися и интригующими другъ противъ друга. Преемникомъ Бунге былъ, въ качествѣ министра финансовъ, нынѣ покойный уже Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій. Онъ очень удачно игралъ изъ себя финансового гепія, но понимая, гдѣ лежитъ корень управленія финансами Россіи, старался во всемъ потакать вошедшему въ силу и милость Бунге. Тотъ въ благодарность за это всегда съ особымъ усердіемъ отстаивалъ бюджетныя росписи Вышнеградскаго, въ то время какъ въ этихъ росписяхъ было гораздо больше внѣшняго блеска, нежели дѣльности и содержанія. И въ то время какъ одни уходили, а на ихъ мѣсто назначались другіе, одинъ только человѣкъ стоялъ во все время царствованія Александра III. незыблемымъ столпомъ на горе, ужасъ и страданіе всего русскаго народа: то былъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Сколько несчастья, сколько страданья причинилъ этотъ русскій Торквемада русскому народу! Александръ въ своемъ ослѣпленіи надѣялся достичь любви своихъ подданныхъ и настоящаго вѣрноподданничества только лишь насчетъ просвѣщенія, культуры и прогресса. Чѣмъ темнѣе народъ, разсуждалъ онъ, тѣмъ легче господствовать надъ нимъ при помощи палки и нагайки; чѣмъ безграмотнѣе и неразвитѣе народныя массы, тѣмъ прочнѣе абсолютизмъ. Побѣдоносцевъ исходилъ изъ этого же принципа и сталъ первѣйшимъ

другомъ и любимцемъ Александра. Побѣдоносцевъ зналъ и понималъ, чего собственно хочетъ и добивается Александръ, но не можетъ ни выразить, ни провести, велѣдствіе полнаго отсутствія государственныхъ талантовъ. Но и Александръ понялъ выдающійся умъ Побѣдоносцева, былъ радъ, что нашелъ въ немъ свое собственное я, и не только передалъ все вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ одному Побѣдосноцеву, но и также самаго себя отдалъ въ руки ему же. Побѣдоносцевъ вполнѣ овладѣлъ душой Александра III. и сдѣлалъ изъ него ханжу, какой еще никогда не сидѣлъ на русскомъ тронѣ. Православіе сдѣлалось единственнымъ и высшимъ душевнымъ убѣжищемъ Александра. Онъ много молился, умилялся душой въ обстановкѣ иконъ, лампадокъ и чудотворныхъ мощъ, окружилъ себя попами и монахами и заставлялъ всю свою семью вѣрить и молиться. Будь Александръ развратникомъ, весь дворъ развратничалъ бы вмѣстѣ съ нимъ, какъ равно будь онъ атеистомъ, всѣ приближенные и придворные подражали бы ему въ этомъ. Теперь же всѣ молились, неистово крестились и клали поклоны, бѣгали по церквамъ и монастырямъ, ѣздили на поклоненіе къ святымъ мощамъ, давали деньги и собирали таковыя на постройку церквей. Послѣднимъ въ особенности можно было сильно угодить Александру и Побѣдоносцеву. Александръ въ своемъ полномъ затемнѣніи сталъ вѣрить, что ему при помощи разныхъ указовъ и вѣчно угрожающей палки удастся искоренить изъ Россіи за-

падно-европейскую культуру и насадить во всѣхъ своихъ подданныхъ вѣру и религіозность. Это было бы зломъ еще не столь большой руки, ибо при полной государственной бездарности Александра онъ не съумѣлъ бы провести свои тенденціи въ жизнь. Все горе и несчастіе заключалось именно въ томъ, что умный и весьма талантливый Побѣдоносцевъ и зналъ, какъ нѣчто подобное необходимо насаждать, и имѣлъ нужную на то неограниченную власть. Вотъ превосходный примѣръ. Александръ думалъ, думалъ, какъ ему насадить православіе и вѣру еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ это имѣло мѣсто, и надумался, чтобы ему представляли на усмотрѣніе и разрѣшеніе планъ каждой церкви, строящейся гдѣ бы то ни было во всей колоссальной Россійской имперіи. Побѣдоносцевъ же дѣйствовалъ умнѣе, хотя для Россіи и горестнѣе. Онъ увеличилъ число епархій и викаріатовъ. Онъ увеличилъ число мужскихъ и женскихъ монастырей на 150 штукъ, потративъ на это увеличеніе и содержаніе сотенъ тысячъ бездѣльниковъ монаховъ и развратницъ монахинь милліоны народныхъ денегъ. Онъ увеличилъ въ весьма значительной степени число церквей, духовныхъ семинарій и епархіальныхъ училищъ, обставивъ ихъ, поскольку это было возможно, благолѣпно и прочно въ экономическомъ отношеніи. Онъ же устроилъ для торжества православія два чрезвычайно торжественныхъ праздника, обязательныхъ для всей Россіи, по случаю присоединенія Россіи къ православію во времена Владиміра I., какъ

и присоединенія къ православію всей Волыни. Но впрочемъ, это все еще пустяки въ сравненіи съ тѣми несчастіями для русскаго народа, которыя Побѣдоносцевъ ввелъ въ духѣ Александра III. и съ согласія его. Онъ уничтожилъ какую бы то ни было свободу церковно служителей всякаго ранга, званія и положенія, подчинивъ ихъ всѣхъ безъ исключенія святѣйшему синоду или, вѣрнѣе, самому себѣ. Онъ уничтожилъ созданный земствами типъ деревенской свѣтской школы, замѣнивъ ее т. н. церковно-приходской школой, которая отдана была въ безраздѣльную власть безграмотнымъ попамъ и которая имѣетъ одинъ главный и существенный предметъ преподаванія: православіе. Затѣмъ для всѣхъ чиновниковъ, служащихъ, учителей, гимназистовъ, преподавателей, студентовъ и т. д., кто только подлежитъ сколько нибудь надзору и регламенту, введено было обязательное посѣщеніе церкви въ большіе праздники и высокоторжественные дни, какъ равно и обязательныя исповѣдываніе и причащеніе съ представленіемъ письменныхъ свѣдѣній объ этомъ по начальству. Въ этомъ отношеніи установленъ былъ контроль, создавшій многочисленное и широко развѣтвленное шпіонство, введенъ былъ надзоръ, который можетъ быть сравненъ развѣ что съ инквизиціей и ея методами. Побѣдоносцевъ ввелъ также шпіонскій надзоръ надъ тѣмъ, поскольку перешедшіе въ православіе католики и лютеране или крестившіеся евреи исполняютъ дѣйствительно всѣ обряды православной религіи.

Да, Побѣдоносцевъ даже придумалъ цѣлый рядъ ограниченій для евреевъ, съ тѣмъ чтобы заставить ихъ по возможности больше переходить во всеспасительное православіе. Дѣйствительно, такъ и поступали многіе отщепенцы своего народа и вѣры своихъ предковъ, но съ чисто іезуитской хитростью Александръ, по совѣту все того же Побѣдоносцева, приказалъ, чтобы крестившіеся евреи получали права только лишь черезъ три года послѣ крещенія; за время же этихъ трехъ лѣтъ за ними производился чрезвычайно строгій шпіонскій надзоръ, поскольку они стали преданными сынами православной церкви. Александръ въ одинаковой мѣрѣ не любилъ какъ евреевъ, такъ и поляковъ, и прибалтійскихъ нѣмцевъ. Этимъ воспользовался въ высшей степени энергично Побѣдоносцевъ, чтобы рядомъ мѣропріятій заставитъ насильно русско-подданныхъ католиковъ и лютеранъ примкнуть къ лону православной церкви. Надъ поляками весвластно владычествовалъ любимецъ Александра, герой русско-турецкой войны генералъ Гурко. Когда онъ вышелъ въ отставку, вся Варшава выразила свой восторгъ путемъ иллюминаціи. Пока онъ оставался генералъ-губернаторомъ Привислянскаго края, онъ жестоко давалъ имъ чувствовать всю нелюбовь къ нимъ Александра, какъ равно былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Побѣдоносцева. Тотъ же распорядился, чтобы православіе было вводимо силою среди поляковъ, и если это было довольно легко сдѣлать въ кругу всѣхъ тѣхъ лицъ, кто такъ или иначе

зависѣлъ отъ правительства и администраціи, то по отношенію ко всѣмъ другимъ полякамъ Александромъ подъ вліяніемъ Побѣдоносцева введенъ былъ слѣдующій безправный методъ: если гдѣ нибудь умиралъ ксендзъ, на его мѣсто преемникъ не назначался, и мѣстная католическая церковь наглухо запиралась. Не менѣе жестоко расправился Александръ III. и съ прибалтійскими нѣмцами. Онъ ограничилъ свободу ихъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, онъ уничтожилъ всѣ сохранившіяся съ старыхъ временъ учрежденія нѣмцевъ, базировавшія въ этомъ краѣ на основахъ самостоятельности и самоуправленія. Онъ приказалъ руссифицировать политехникумъ въ Ригѣ и преобразовалъ коренным образомъ въ русскій знаменитый нѣмецкій университетъ въ Дерптѣ. Къ тому же и самый Дерптъ былъ отнынѣ переименованъ въ Юрьевъ.

Поляки, лютеране и евреи могли утѣшиться развѣ что тѣмъ, что со своими настоящими русскими людьми Александръ обращался не лучше. Если онъ и слышать не хотѣлъ не только о конституціи, но даже о жалкомъ собраніи депутатовъ отъ земствъ, то онъ къ тому же поставилъ своей задачей отмѣну тѣхъ реформъ, которыя были введены Александромъ II. Такъ, онъ уничтожилъ университетскій уставъ 1863 г. и приказалъ выработать новый уставъ, превратившій университеты отчасти въ бюрократическія канцеляріи, отчасти въ казармы. Академическая свобода была вполнѣ уничтожена: профессора назначались и смѣщались пра-

вительствомъ, лекціи подлежали цензурѣ, внутри университетовъ введенъ былъ шпіонскій надзоръ, студенты за малѣйшее неповиновеніе или безпорядки исключались и ссылались сотнями и тысячами. Да и вообще, вся молодежь была на плохомъ счету у Александра, вѣчно опасавшагося за свою жизнь и за свой тронъ. Но не только молодежь, а и весь русскій народъ былъ переданъ во власть полиціи и жандармовъ. Не существовало ни свободы личности, ни даже неприкосновенности личности. Число полицейскихъ, жандармовъ и шпіоновъ возросло до колоссальныхъ размѣровъ. Власть и полномочіе администраціи были чрезвычайно увеличены и расширены. Судьи и суды поставлены въ полную зависимость отъ администраціи и правительства. Тюрьмы и крѣпости выростали, словно грибы послѣ дождя. По дорогѣ въ Сибирь шли пѣшкомъ или плыли на пароходахъ Добровольнаго флота тысячи и десятки тысячъ. Свобода городскихъ самоуправленій была сведена къ нулю. Земское самоуправленіе было ограничено до возможнаго минимума. Институтъ мировыхъ посредниковъ былъ уничтоженъ, и хотя государственный совѣтъ высказался противъ, Александръ своею властью ввелъ земскихъ начальниковъ, одну изъ новѣйшихъ и величайшихъ болячекъ многострадальнаго русскаго народа. Эти земскіе начальники не только одновременно администраторы и судьи, что противно всяческимъ человѣческимъ и общественнымъ законамъ, но и имѣютъ право присуждать крестьянъ т. е. взро-

слыхъ людей къ розгамъ. Далѣе, пресса была задавлена и раздавлена, и если бы Александръ только могъ, онъ вообще приказалъ бы уничтожить книгопечатаніе и сжечь всѣ существующія книги. Евреямъ былъ преграждень доступъ въ гимназіи, университеты и другія среднія и высшія учебныя заведенія. Евреи были лишены права жительства въ цѣломъ рядѣ губерній, какъ и во многихъ пунктахъ отведенной имъ черты осѣдлости. Евреи были лишены права голоса при существующихъ въ Россіи еще жалкихъ выборахъ въ думу или въ земство, какъ и они не могутъ быть, по волѣ Александра, избираемы на какія бы то ни было общественныя должности. Мало того, что имъ всегда прегражденъ былъ доступъ на государственную, офицерскую, чиновничью, учительскую или т. п. службу, Александръ III. отнялъ у нихъ еще и доступъ къ либеральнымъ профессіямъ.

Вотъ почему, когда Александръ заболѣлъ весьма серьезною болѣзнью, 99 % стодвадцатимилліоннаго русскаю народа и народностей, имѣющихъ несчастье быть русско-подданными, не пожалѣли нисколько о немъ. По приказу свыше молебны о здравіи царя служились сотнями тысячъ, но русскій народъ, боясь нагайки и доноса, только дѣлалъ видъ, что молится за жизнь и здоровье Александра, въ душѣ проклиная его и желая ему скорѣйшей гибели. При дворѣ этимъ молебнамъ придавали, конечно, лишь малое значеніе. Александра перевезли въ Крымъ и пригласили къ нему всѣхъ на-

илучшихъ русскихъ и европейскихъ медиковъ. Когда же болѣзнь все пуще и пуще развивалась, въ отчаяніи рѣшили послать за отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ. Но этотъ попъ-чудодѣй могъ излѣчивать только и безъ того здоровыхъ, невѣжественныхъ дураковъ. Всѣ его молитвы не могли, конечно, остановить процесса болѣзни почекъ, которою былъ боленъ Александръ и отъ которой онъ умеръ. Когда его, наконецъ, не стало, вся Русь вздохнула облегченно. Боже, если подумать, что только одна, хотя бы и тяжелая, слонообразная фигура могла давить въ теченіе полутора десятковъ лѣтъ сто двадцать милліоновъ русскаго народа!...

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

Типографія Липшертъ и Ко. (Г. Пеца), Наумбургъ н/С.